

УДК 32

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

А.И. Остроумов

Аннотация

В статье с позиций теории институциональных матриц рассматриваются особенности политического процесса в современной России. Результатом анализа основных тенденций его развития становится вывод о том, что соответствующие условия и реальные формы поведения для укоренения демократических ценностей и традиций в современной России пока не сформированы.

Ключевые слова: неоинституциональный подход, теория институциональных матриц, основные базовые институты западной и восточной институциональной матрицы, современный российский политический процесс.

Выступая в конце 1992 года, первый президент России заявлял: «Главное, что я хочу сказать тем, кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму: ни к какому капитализму мы Россию не ведем. Россия к этому просто не способна. Россия уникальная страна: она не будет ни в социализме, ни в капитализме, она будет Россией, которая наконец-то сбросила ярмо рабства, дала свободу человеку, свободу предприятиям, свободу предпринимательству, свободу республикам, входящим в состав России, свободу регионам, областям и краям, с минимальным давлением из Москвы, с минимальным влиянием бюрократии из Центра, с максимальной самостоятельностью на местах, без удельных княжеств» [1].

Что же помешало первому президенту России, обладавшему, по мнению аналитиков, властью большей, чем имели российский царь и генеральный секретарь ЦК КПСС вместе взятые, реализовать столь блистательный проект развития России? Отвечая на этот вопрос, кто-то скажет: невежество российской власти или желание Б.Н. Ельцина быть похожим на спасителя России князя М.И. Кутузова, который, отвечая на вопрос императора Александра I, что же такое Россия – Запад или Восток, сказал, что Россия не есть ни Запад, ни Восток, она – РОССИЯ! Или это обычная позиция советского партократа, для которого идеалом был не коммунизм и не «развитой социализм», а общество, способное поверить и в то, и в другое, и вообще во что угодно при неперемennom условии, что все это должно быть скреплено верой во власть, если не сегодняшнюю, то в ту, которая придет непременно? И еще, если «Россия к этому просто не способна», то зачем так долго экспериментировать над ней? Ответить на поставленные

вопросы мы попробуем с помощью теории институциональных матриц и институционального подхода в исследовании политических процессов.

В 2000 г. появилась монография С.Г. Кирдиной «Институциональные матрицы и развитие России», в которой автор с позиции макросоциологического подхода предложил теорию, направленную на выявление «исходных, “матричных” структур, латентно определяющих многообразие и направления процессов, происходящих на “поверхности” социальной жизни» [2, с. 3–4].

Согласно этой теории, институциональные матрицы представляют собой первичные, исходные социальные формы, складывающиеся при возникновении государств. Они инвариантны, сохраняют свою природу и определяют характер исторической эволюции государства. Если деятельность социальных субъектов в обществе стихийно или сознательно учитывает характер его исходной институциональной матрицы, то развитие страны осуществляется быстрее, и наоборот, если социум пытается организовать свою социальную жизнь, не учитывая природы присущей обществу институциональной матрицы, неизбежны социальные потрясения, нестабильность, отставание от более развитых стран. Пути эволюции стран определяются типом институциональной матрицы, которая складывается в процессе формирования государств и обусловлена спецификой материально-технологической среды в ареале их возникновения [2, с. 4].

Институциональная матрица – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных сфер – экономической, политической и идеологической. Или, говоря другими словами, – это система экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во **взаимно однозначном соответствии**.

Исследование институционального аспекта жизни общества способствует дальнейшему развитию системного и структурно-функционального подходов, и в этом бесспорная теоретико-методологическая сторона теории институциональных матриц. Неинституциональный подход исследования основных сторон жизни общества способствовал поиску и выявлению механизма взаимодействия и интеграции базовых социальных институтов. Использование идеальных типов западной и восточной институциональных матриц демонстрирует стремление исследователей добраться до институционального ядра современных обществ, с тем чтобы объяснить многообразие происходящих социальных процессов в разных странах, глубже осмыслить историю и рационализировать перспективы общественного развития [2, с. 13].

По мнению С.Г. Кирдиной, существует две институциональных матрицы – восточная и западная, различающиеся базовыми институтами. Для западных институциональных матриц характерно следующее: в экономике – институты рынка, включая институты частной собственности, конкуренции, найма труда, прибыли; в политической сфере – институты федерации, понимаемой в широком смысле слова, включая институты федерации, самоуправления и субсидиарности, выборов, многопартийности и демократического большинства, независимой судебной системы и судебных исков; в идеологической сфере – доминирование индивидуальных, личностных ценностей, приоритет Я над МЫ, включая институты субсидиарности. Этот тип матрицы характерен для большинства стран Западной Европы и США.

Для восточных институциональных матриц характерно: в экономике – институты нерыночной экономики, включая институты общественно-служебной собственности, раздач, сдач, служебного труда, административных жалоб; в политической сфере – институты унитарно-государственного устройства, включая административно-территориальное деление, иерархическую вертикаль во главе с центром, назначение, общее собрание и единогласие, административные жалобы по инстанциям; в идеологической сфере – доминирование коллективных, надличностных ценностей, приоритет МЫ над Я, включая институты коммунистичности. Данный тип характерен для России, большинства стран Азии и Латинской Америки, Египта и др. Для России в качестве дополнения и конкретизации указывается на ее суровые природно-климатические условия. В частности, отмечается, что хозяйство русского крестьянина базировалось на сжатом цикле полевых работ, провоцировавшем «загульные» формы релаксации, а наличие «мигрирующего земледелия» и привычка «смены хозяина» препятствовали формированию законченной «оседлой» этнокультуры европейского типа. Крайняя неритмичность урожайности (урожай в голодные годы мог быть меньше, чем в хлебобродные, в 5–7 раз) и постоянные пожары способствовали тому, что в своем существовании крестьянская община постоянно нуждалась в помещичьих и государственных гарантиях. Отсюда сакрализация власти и вечный поиск «абсолютной правды власти», спасающей от лихолетья, но одновременно парализующей индивидуалистические устремления и снимающей с подданных бремя ответственности (см. [3]).

Доминирующие в определенном типе институциональной матрицы базовые институты дополняются альтернативными институтами из другой матрицы, при этом основная цель введения этих институтов (в отличие от базовых, которые устанавливаются сознательно) – **содействовать эффективному действию основных, базовых институтов.**

В то же время институционально-матричный подход, несколько упрощая процесс социального развития, способствует сведению многих его признаков и параметров к минимально необходимым, отражающим базовые структуры и институты общества, а более точное представление об этих институтах способно объяснить многие ошибки и просчеты политики и субъектов политики. Вместе с тем матричный подход определяет основные рамки, общую внутреннюю логику взаимодействия основных базовых институтов общества и государства. Эта внутренняя логика характеризует имманентно присущий обществу потенциал линейного, или векторного, развития.

Однако столь радикальное деление на западную и восточную матрицы непременно суживает возможности исследования общественного развития. Возникает вопрос: возможно ли некое промежуточное, смешанное состояние, когда особенности западной модели эффективно соединяются с моделью восточной? По отношению к России как стране евразийской (а также ко многим бывшим советским республикам) это вопрос не только теории, но и политической практики. Вопрос этот актуален и в связи с начавшимся процессом глобализации. Означает ли это, что в процессе глобализации будет создана некая универсальная институциональная матрица в виде симбиоза указанных двух моделей, или этот процесс примет форму дальнейшей «вестернизации» мира?

Другая проблема: достаточно ли сводить все многообразие общественного развития лишь к взаимодействию трех основных, пусть и базовых институтов: экономики – политики – идеологии? «Почему не предположить, что российская история вписана в совершенно иные пространственно-временные параметры и именно это усложняет ее идентификационный процесс? Почему не рассмотреть ход исторического развития в биосоциальном ракурсе, а не только политэкономическом? В этом случае не придется бесконечно оглядываться на «ушедшие вперед» страны и народы» [4, с. 91].

От себя добавим, что немаловажную роль играют антропологические, психологические, культурологические аспекты и стороны человеческой жизнедеятельности.

Анализируя прошлое и современное состояние российского общества, многие авторы отмечают его авторитарный характер, и речь идет не только об институтах государственной власти, но и о культуре российского общества в целом. Традиционалистский характер российской культуры и авторитарно-патриархальный тип ее политической культуры во многом объясняют просчеты и провалы реформирования российского общества на пути демократизации.

Говоря о динамике современных изменений российского общества, следует отметить резкое расхождение между законодательными нормами, принципами и установлениями и реально существующим социальным порядком. В этой ситуации вполне уместен вопрос: может ли теория институциональных матриц способствовать более точному объяснению и пониманию современных трансформаций российского общества?

По нашему мнению, да. Особенно при исследовании тех тенденций и закономерностей социального и политического развития, которые напрямую связаны, взаимодействуют и часто являются следствием функционирования базовых институтов общества.

Важность ответа на поставленный вопрос некоторые авторы связывают с глобализацией и развитием современных форм информатизации, которые «не только сильнейшим образом подхлестнули процесс заимствования культурных и институциональных образцов, но, обострив конкуренцию за место в новом миропорядке, сделали совершенствование национальных экономических и политических механизмов категорическим императивом для каждой страны, условием ее выживания» [5, с. 5]. Таким образом, процесс совершенствования и модернизации российского общества имеет как сугубо внутреннее, так и внешнее проявление.

Остановимся подробнее на некоторых тенденциях современного российского политического процесса, используя основные положения теории институциональных матриц.

Для исследования современного политического процесса в России очень важно понять его направленность: от чего мы уходим, так как от того, что принимается за точку отсчета, зависит понимание смысла самого процесса и, соответственно, критерии оценки его успехов и неудач.

Так, среди авторов, оценивающих политический процесс в современной России с точки зрения ее продвижения к демократии, становления гражданского общества и правового государства, к сегодняшнему дню сложились две крайние позиции.

Первая точка зрения исходит из того, что такой переход, возможно, вообще не имел места. «При всей дефектности позднеперестроечных институтов с точки зрения канона процедурной демократии вряд ли кто решится спорить с тем, что максимальная открытость власти и реальная зависимость ее от народа, равно как и предельные масштабы действительного участия масс в политике, были достигнуты именно тогда. Все, что происходило с тех пор, по этим содержательным показателям демократии выглядит почти неуклонно нарастающей демократизацией», – пишет Б.Г. Капустин [6, с. 14].

В подтверждение указанных тенденций развития политического процесса, направленного на вытеснение самостоятельной среды общественной и политической жизни – публичной сферы и открытой, гласной публичной политики, достаточно указать на появившиеся в последние годы изменения в избирательном законодательстве и избирательном процессе РФ, изъясвшие из избирательных бюллетеней графу «против всех» и отменившие порог явки избирателей на выборах депутатов Государственной Думы. Эти меры были обусловлены динамикой абсентеистского поведения российских избирателей: процент не пришедших на выборы граждан увеличился с 39.6 млн. в 1995 г. до 48.2 млн. избирателей в 2003 г. (в процентном отношении это соответственно 36.8% и 45.5% от общего числа избирателей).

Вторая точка зрения – ее отражает большинство публикаций о политическом процессе в современной России – исходит из того, что политическая система реформирована в новой конфигурации, соединившей Власть и Собственность, в некоем гибридном состоянии авторитаризма и демократии, с преобладанием авторитарных тенденций, с желанием современного российского правящего класса законсервировать (стабилизировать) существующее положение и на практике препятствующей обновлению власти, появлению конкурирующих групп, элит, противостоящих господству этого правящего класса (см. [7]).

Характеризуя современную государственную власть, мы можем констатировать, что, несмотря на внешне демократический характер политических институтов и процедур, все они используются как «фасад», за которым находятся те или иные формы элитарно-олигархического распределения и воспроизводства власти, причем власти симбиотической – политической и экономической, то есть соединяющей Власть и Собственность [8, с. 72].

Главное, что отличает современную российскую политическую элиту (а именно она является главным субъектом современного политического процесса), – это обладание властью и собственностью. Обладание властью на начальном этапе революционных преобразований начала 90-х годов XX в. позволило политической элите РФ получить доступ к распределению и перераспределению бывшей советской государственной собственности. И сегодня представители правящего в России класса имеют не только власть, но и многомиллионные состояния (достаточно посмотреть публикации о доходах членов правительства и региональных руководителей). Это в значительной мере подтверждает характерную для экономики восточной институциональной матрицы систему «сдач и раздач» бывшей общенародной собственности в руки все той же бюрократии и приближенных к Власти людей.

Такое обособленное положение властвующей элиты, позволяющее ей конвертировать административный ресурс и административную власть в собственность, а последнюю через подконтрольные российские федеральные и региональные СМИ использовать для манипулирования общественным сознанием, делает ее абсолютным монополистом в сфере политики. «Основное ядро российской политической элиты, отмечает А.А. Галкин, – сейчас заинтересовано прежде всего в сохранении и упрочении имущественных и властных позиций, приобретенных в 1980-е и последующие годы. Это находит отражение в его устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую исключительно как неизменность сложившихся отношений власти и собственности. Соответственно любые перемены, пусть даже сулящие в перспективе позитивные результаты, обычно воспринимаются в штыки. Иногда это выливается в активное противостояние, но чаще всего принимает форму пассивного саботажа» [9, с. 36].

В то же время мгновенное превращение властвующей элиты в господствующий в экономике и политике класс определило и то, что она не считает свой статус и свое положение в полной мере легитимными. Это порождает необходимость скрывать многие свои действия от общества, что ведет к ее закрытости и обособленности от народа. И сколько бы нам не объявляли в СМИ, что рейтинг власти растет, в общественном мнении мы видим обратное: доверие к ней падает. Обособленное состояние Власти говорит о том, что она не связана с народом и имеет лишь смутные представления о его проблемах. Главное – она не хочет наравне с народом одинаково нести бремя лишений и тягот системного российского кризиса. А с такими представлениями вряд ли возможно выработать идеологию и политический курс, программу, понятную и соответствующую интересам граждан страны. Идеология же господства и недоверия к своему народу вряд ли может быть одобрена этим народом. В то же время политическая и административно-политическая элита современной России образуют некий симбиоз. «В стране сложилось нечто вроде социального контракта из трех элементов: доверия верховному лицу со стороны большинства населения, закрепления привилегированной роли бюрократии – главного инструмента и главной опоры власти, обретшей невиданную силу и свободу действий, и защиты этой бюрократией экономических интересов приближенного к ней крупного бизнеса при условии отказа последнего (в пользу все той же бюрократии) от политических амбиций и части прибылей» [10, с. 60].

Как отмечает В.П. Булдаков: «...впервые в истории России появилось правительство, для которого большинство народа – просто обуза. В прошлом и крепостники, и большевики все же нуждались в “массах” – объем ВВП прямо зависел от количества... вложенного в него принудительного труда. Ныне власть, независимо от нравственных качеств отдельных руководителей, объективно нуждается лишь в тех, которые качают нефть и газ, и тех, которые охраняют (физически или идейно) всю эту “рыночную” экономику. Основная масса населения оказывается “лишней”, – ее терпят постольку, поскольку она не причиняет большого беспокойства.

В этих условиях власти остается лишь лениво имитировать свое присутствие. Отсюда поразительная многоликость ее представителей: то это крутые либералы, то суровые государственники, то твердые “законники”, то улыбчивые

деспоты византийского образца. Ко всему тому, что не мешает ее существованию, она безразлична. Но убирать “чужих” она, как водится, будет при “единодушном одобрении” “идуших вместе”» [4, с. 104].

Имитационный характер демократических преобразований, осуществляемых в российском обществе реформ во многом связан с разнонаправленностью предлагаемых Властью шагов: ни современный рынок, ни демократия не способны родиться в условиях создания жесткой «вертикали власти» и не менее жесткого администрирования. Все это порождает отчуждение основной массы населения, от «новых богатых» от «новой/новой старой» номенклатуры и бюрократии.

Указанные тенденции находят свое отражение в основном противоречии развития российского общества. Основное противоречие современного политического процесса в России связано с рассогласованностью взаимодействия экономической, политической и идеологической сфер жизни. Поскольку каждая из названных сфер выполняет свои специфические функции в обеспечении выживания и развития социума как единого целого, то в отсутствии однозначного взаимного соответствия указанных сфер ни о каком развитии речи быть не может. Названное свойство – свойство комплиментарности – означает, что если в экономической сфере доминируют институты рынка, то в политической сфере действуют комплиментарные по отношению к ним институты федеративного государственного устройства. При этом идеология характеризуется приоритетом личностных ценностей, в том числе современных прав и свобод личности. Российские реформаторы, заимствуя западные либерально-демократические институты (частной собственности, свободных выборов, многопартийности и либеральных свобод в политике), совершенно упустили из виду российские особенности культуры и духовно-идеологические традиции российского общества, то есть особенности менталитета политических субъектов – элиты и народных масс. Не попал в поле зрения наших реформаторов и принцип доминантности базовых институтов над альтернативными: как уже отмечалось, последние носят вспомогательный, дополнительный характер.

Означает ли вышесказанное для России, которую мы отнесли к восточной институциональной матрице, бесперспективность синтезирования базовых институтов Запада? Пока однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно, и это связано не только с кратковременностью процесса изменений в России, но и с недостаточной разработанностью самой теории институциональных матриц. Впрочем, когда речь идет о трансформации и модернизации общества и государства, теория допускает возможность использовать, заимствовать альтернативные институты противоположной матрицы, но эти заимствования имеют ограниченный характер, прежде всего вытекающий из природы самого типа институциональной матрицы. В этом плане демократия, которая необходима России для модернизации и развития общества, будет и должна быть в русле сохранения восточной институциональной матрицы. В то же время российские демократические институты не имеют ценностного либерального наполнения, то есть они не работают на свободу и защиту интересов личности, частного лица.

В российском обществе мы имеем огромный дефицит частных лиц, зато есть абсолютное доминирование частных интересов над публичными, причем это тотальный процесс, который охватывает и сферу гражданского общества

и проявляется на уровне государственном – в поведении государственных служащих и политиков. И для того, чтобы ликвидировать это противоречие, Центральная Власть поставила под контроль не только СМИ, парламент и губернаторов, но и финансовые потоки. В ситуации, когда каждый за себя, только государство за всех, Центр одержим идеей, что он должен контролировать в стране все. Политический процесс в современной России становится все более централизованным и унифицированным, причем, на наш взгляд, это желание Власти контролировать все полностью соответствует ее предназначению в восточной институциональной матрице. Это не субъективное желание В.В. Путина или Д.А. Медведева, а оно вызвано объективной необходимостью управленческого центра выполнять функцию, направленную на выживание, сохранение и развитие российского общества. Это, на наш взгляд, вызвало возвращение или становление иерархии и «новой» вертикали власти, которая еще далека от своего завершения, но и здесь уже виден институциональный каркас в виде института федеральных округов и института полномочных представителей Президента РФ в них, «выборное назначение» глав регионов, низведение роли Совета Федерации РФ, доминирование в представительных органах одной «партии Власти» и многое другое¹.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря теории институциональных матриц становится возможным в качестве системы критериев использовать многомерные параметры общества в их нерасчлененности, в их единстве (экономика – политика – идеология). В таком подходе нет однобокости, специфического детерминизма, будь то культурный, экономический или какой-либо другой. В то же время ряд тенденций, характерных для современного политического процесса России, вполне укладываются в параметры восточной институциональной матрицы. Такие отмеченные в статье особенности, как имитационный характер демократических преобразований, усиление процессов отчуждения Власти от населения, дальнейшая централизация и усиление бюрократизации жизни общества, сокращение поля публичной сферы и публичной политики и ряд других, соответствуют отмеченным в теории институциональных матриц основным базовым институтам восточной институциональной матрицы и могут быть спроецированы на политический процесс современной России.

Summary

A.I. Ostroumov. Modern Russian Political Process with Regard to Theory of Institutional Matrixes.

The article considers the specifics of political process in modern Russia from the point of view of theory of institutional matrixes. Analysis of its main tendencies reveals the main

¹ Интересной и несколько парадоксальной представляется позиция доктора исторических наук, главного редактора журнала «Свободная мысль» В.П. Булдакова. Характеризуя историческое прошлое нашей страны, он пишет: «Попробуем сформулировать иной гипотетический вариант культурно-пространственно-временного существования России. Допустим, что основной бытийственный императив российской системы – самосохранение любой ценой, а ее пресловутое «мессианство» – разновидность допинга и/или релаксанта, помогающего решить задачи гомеостатического (а не «прогрессирующего» или «догоняющего») существования. Самосохранение может осуществляться как в форме «застоя», так и в виде «кризисов обновления», помогающих спасти ядро системы. Это стихийный (возможно, биоритмичный) процесс, а если так, то любые сложившиеся теории бесполезны – действие защитных механизмов системы прослеживается на уровне социологически неуловимых «агрегированных» состояний людской массы» (см. [4, с. 92]).

conclusion that neither appropriate conditions nor real forms of behaviour have been formed, which are necessary for the establishment of democratic values and traditions in modern Russia.

Key words: neoinstitutional approach, theory of institutional matrixes, main basic institutions of Western and Eastern matrix, modern Russian political process.

Литература

1. *Ельцин Б.* От реформ в России не отступлю // Аргументы и факты. – 1992. – № 42.
2. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – М.: Теис, 2000. – 212 с.
3. Российская цивилизация. Универсальное и специфическое в российской истории. «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. – 1999. – № 3. – С. 87–99.
4. *Булдаков В.П.* Российская история и российская прогностика: заглянуть в будущее, не познав прошлое? // Россия в современном мире. – 2005. – № 4 (49). – С. 89–105.
5. Политические институты на рубеже тысячелетий, XX–XXI в.: Сб. ст. / Отв. ред. К.Г. Холодковский. – Дубна: Феникс+, 2001. – 480 с.
6. *Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6–26.
7. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Материалы «круглого стола» // Полис. – 2008. – № 5. – С. 55–73.
8. *Мельвиль А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. – 2004. – № 2. – С. 64–75.
9. *Галкин А.А.* Инновационное развитие и проблемы современной России // Полития. – 2008. – № 3 (50). – С. 30–44
10. Мировой экономический кризис в социально-политическом разрезе. Материалы «круглого стола» // Полития. – 2009. – № 1. – С. 44–77.

Поступила в редакцию
03.06.09

Остроумов Александр Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной политологии Казанского государственного университета.

E-mail: solty007@mail.ru